

**Евгений
ТОЛМАЧЁВ***г. Белгород***УБОИ
ИВАНЫЧ***рассказ*

Развелись они, когда уже внуки в школу пошли. Причина самая заурядная – пьянство. Устин Иваныч крепко прикладывался к бутылке, жена и не выдержала. Лопнуло терпение. Трёхкомнатную квартиру продали, решив разъехаться. Навсегда.

– Мне твои вонючие деньги не нужны! – кричал Устин Иваныч. – Подавись ты ими! Мне хоть куда, лишь бы тебя не видеть! Испортила ты мне всю жизнь!

– Это ты мне испортил, сволочь!

– Да подавись ты своими деньгами, я их и не возьму от тебя! Не нужны! Обойдусь!

На этот их последний скандал, на резкие жесты равнодушно глядели настенные часы с изумрудным циферблатом.

Не нужны так не нужны. По пьяному делу Устин Иваныч согласился на сумму, на которую ему купили комнату в общежитии на первом этаже. Секция убитая, населённая пауками и многоножками, унитаз течёт, канализационный смрад и полумрак. Но комната ухоженная, светлая. С чистенькими обоями, массивной железной дверью и пластиковым окном. Дожила здесь свои тихие годы старушка, а жизнь города стремилась куда-то уже без неё, как и без многих других людей...

Но Устин Иваныч не собирался жить на манер долгоногих пауков, прячущихся по углам, и жирных многоножек. Решил изменить свою жизнь. Клин вошёл в сознание, что даже пить бросил. Из-за жгучей обиды и ревности. Как-то вечером, возвращаясь из магазина с чекушкой во внутреннем кармане облезлой дерматиновой куртки, случайно узрел он свою бывшую, шедшую под ручку с благообразным седым, слегка сутулым мужичком. От вида

положительных довольных людей Устина Иваныча переклинило. Сам не свой вернулся домой, мерил шагами расстояние от окна до кровати и рассуждал вслух: «Вот же зараза, и двух месяцев не прошло, а она примака в новую квартирку привела. В которую, между прочим, и мои денежки вложены. А я, дурак, так легко сдался! Надо было оттяпать денег на однокомнатную! Пошёл на принцип, дебил... Ох, и дебил же! Ну теперь всё. Что ж делать, а?»

Словно полная сытая незакатная луна, взошло в его душе мстительное чувство и подчинило всё существо. Устин Иваныч пуще прежнего возненавидел жену за то, что легко и быстренько устроила личное счастье, восторжествовав над ним, и почему-то обозлился на весь город. И уже не такой занозой в сознании торчала ожиревшая фигура коменданта общежития Любви Семёновны, с которой он часто ругался, а недавно и вовсе с тупым ножом погнался за ней по мрачному, с выкрашенными в тёмно-зелёный цвет стенами, коридору. Так, попугать погнался, потому что достала... Помогло. Любовь Семёновна обладала вздорным характером. Комендантствовала здесь с середины девяностых и в собственности имела две комнаты – сдавала квартирантам. На толстых пальцах с длинными красными ногтями красовались золотые кольца. Года три назад ради выгоды снюхалась с группой мошенников. С помощью всезнающей комендантши они узнавали об одиноких, желательны пьющих жильцах. Подселялись, спаивали и отжимали жилплощадь.

Высокий, худой, с жилистыми, поросшими чёрным волосом руками, Устин Иваныч сделался ещё худее. По натуре хитроумный, с богатой фантазией, с умением говорить много, витиевато, он, возможно, мог бы стать актёром или писателем, но много лет тому назад умер в нём то ли актёр, то ли писатель. Работал на заводе токарем, подворовывая и загоняя за магарыч плужки, наборные гантели и прочие изделия, пока не уволили за пьянство. На воровстве не поймали. Из родни с ним общался только зять, недавно оста-

вивший службу в полиции и решивший стать предпринимателем. Зять подкинул Устину Иванычу форменные брюки с красной полосой сбоку и синюю рубашку без погон. И почему-то будущее своё увидел Устин Иваныч в форменных брюках и рубашке... Взял он эту одежду, ещё кое-какие вещички подсобрал, сложил в старый чёрный дипломат и спортивную сумку, запер комнату и отправился в деревню к матери-старушке, которую не навещал лет десять, чтобы вне ненавистного города начать новую жизнь...

В понедельник Устин Иваныч подъехал на чёрном внедорожнике к родной усадьбе. Знакомый подвёз, которому в прошлом толкал заводские изделия. По соседству на лавочке сидели мужики, разговаривали. Удивились, ведь не часто на улице появляются такие машины. Кто ж это приехал? Одетый в полицейскую форму хитроумный Устин Иваныч мгновенно сориентировался. Трезвый, с начальственным видом неторопливо вышел из внедорожника, с заднего сиденья неспешно забрал дипломат, спортивную сумку, крикнув знакомому:

– Всех благ! Если будут кошмарить, обращайтесь.

Знакомый в недоумении что-то переспросил, нажав на тормоза, когда разворачивался, а Устин Иваныч в ответ дружелюбно улыбнулся и помахал жилистой рукой. С достоинством подошёл к мужикам, аккуратно пристроил на лавочке дипломат, сумку поставил на землю, достал сигаретку, закурил. Разговорились. Устин Иваныч, отвечая на расспросы про полицейскую форму и чёрный внедорожник, нагородил, что служил в УБОП, но «связи остались и по сей день».

– А это меня подбросил коммерс Арютюнян, – «насыпал» Устин Иваныч. – Два года назад его вымогатели кошмарили, так я их всех с группой захвата и накрыл. До сих пор благодарит, угождает.

– А в каком же ты звании? – допытывались подозрительные мужики.

Устин Иваныч, вошедший в раж, хотел сказать, что вышел в отставку полковником,

но, инстинктивно уловив недоверие, смолот, что носил майорские погоны. Мужики чуяли подвох, а Устин Иванович неумоимо сыпал, как из мешка, факты из небывалой службы, придуманные по пути, щедро сдабривая рассказ аббревиатурой УБОП. Мужики быстро, по-деревенски дали ему смачное прозвище Убоп. Так и зажил Устин Иванович на новый лад Убопом. Но некоторые односельчане поверили, что боролся он с организованной преступностью. Пенсионер дядя Степан, ездивший в городскую поликлинику полгода назад с геморроем, вспомнил, как неожиданно повстречался с Устином Ивановичем возле аптеки №11. Зять попросил патрульных подвезти Устина Ивановича. Дядя Степан сообщил мужикам, как Устин Иванович выходил из полицейской машины, тепло прошался с сотрудниками, желая им всех благ.

— А что ж, он у хворме был али так? — спрашивали дядю Степана.

— Не помню, кажись, у штатском.

— Ну, можить, и служил. Кто его знаить.

Устин Иванович неумоимо, упорно работал на свой образ отставного офицера полиции. В магазине внимательно изучил информацию об участковой — молоденькой девушке в звании младшего лейтенанта — «срисовал» её внешность и взял на заметку. Проживала она в райцентре, так что лжемайор не боялся разоблачения. Вскоре информация пригодилась. Лжемайор пошёл за хлебом. Возле магазина стояли мужики, разговаривали. Завидев издали худую высокую фигуру в форме, оживились. Через дорогу от магазина, у здания, в котором располагались ФАП и отделение «Почты России», остановились красные «Жигули», вышла участковая. Устин Иванович стрельнул вострыми карими глазками в сторону мужиков. Мгновенно созрел план, как повернуть ситуацию в свою пользу. Воображение хитроумного Устина Ивановича взмахнуло лёгким крылом и воспарило над деревней — над изогнутыми улочками, широкими огородами, ржавыми тракторами фермерского хозяйства. С улыбкой подойдя к участковой, Устин Иванович почтительно поздоровался и сказал:

— И как вам служится, чудное создание?

В глазах младшего лейтенанта промелькнуло изумление и недоумение. С ветки берёзы за странным разговором наблюдал вертлявый любопытный воробей.

— Вы так не удивляйтесь, Татьяна Владимировна, — продолжал ласковый лжемайор. — Вы очень похожи на мою дочь. Она тоже в юридическом учится. Дочка, не жалеете, что взвалили на свои хрупкие плечи тяжесть защиты населения?

Устин Иванович подкреплял слова энергичными размашистыми жестами, от чего со стороны казалось, будто он раздаёт указания. Участковая что-то отвечала. Поговорили. Младший лейтенант вошла в двери, за которыми располагалось отделение почты, а довольный лжемайор гоголем направился к магазину. Мужики ничего не успели спросить, как в ответ на их молчаливое удивление Устин Иванович стремительно погнал коней:

— И кого только в органы берут! — негодовал он, доставая сигаретку с фильтром. — Детвору. Провода в Шегловке снимали, слышали?

— Было дело на днях, а что?

— Проходу нету: участковая давай спрашивать — товарищ майор, не поделитесь своими методами? — заливался соловьём Устин Иванович, попыхивая сигареткой. — Да мне не жалко! Я таких волчар в УБОП шёлкал! Посоветовал девчухе, с какого фланга наступать, как с уликами работать. Мы с ней договорились потом, когда хмырей этих повяжут, разыграть доброго и злого полицейского на допросе. Знаете такую методику?

...Старушка мать была рада визиту сына. Одного не могла понять: почему он ходит в полицейской форме и не выпивает?

— Ты, мать, если будут спрашивать, всем отвечай, что я работал на большой работе, поняла? — научал лжемайор.

— На какой работи?

— Не важно, всем говори, что на высокой, секретной!

Старушка подслеповато моргала и поправляла языком вставные челюсти. В избе пахло

жареной картошкой и нафталином: утром мать лжемайора перебирала в сундуке вещи, приготовленные на смерть, — полотно, крестик, платки. Тикали старые настенные часы марки «Янтарь» с золотистыми стрелками.

Однако не только полицейскую форму использовал в своих целях Устин Иваныч, но и форма воздействовала на него — хотелось быть справедливым. Ему нравилось сидеть на лавочке под жёлтым облаком рудбекии и разговаривать с соседским мальчишкой-третьюклассником.

— А кем ты хочешь стать, когда вырастешь, Мишук? — улыбаясь, спрашивал лжемайор.

— Не знаю, — отвечал мальчик, щелкая игрушечным пистолетом. — Шофёром.

— Шофёром? Это всё глупости. Надо, чтобы уважали, понял? Ты лучше поступай в школу милиции. Потом вспомнишь дедушку Устина Иваныча с благодарностью.

И, взглянув на игрушечный пистолет, Устин Иваныч сморозил:

— У меня был ПМ. Знаешь, что это?

— Не знаю.

— Пистолет Макарова.

— Дядя Санёк сказал, что все милиционеры — дураки.

— А что это за дядя Санёк такой, а? — рассердился Устин Иваныч. Он знал, о ком идёт речь. Мишук жил с бабушкой и матерью, к которой нахаживал местный алкоголик Санёк. — Ты этому дяде паршивому передай, что я ему за такие слова уши пообрываю! У тебя на шее никак ссадина? Кто ударил?

Мишук потупился, глядел себе под ноги и ковырял носком тапка сухую песчаную землю. Лжемайор слышал, как накануне Мишука во дворе нещадно пороли — крик, плач, хлёсткие удары ремня.

— А ну-ка, пойдём к твоим, пойдём, Мишук, не бойся.

Устин Иваныч взял мальчика за ручку. Когда лжемайор вошёл во двор, Валюшка — бабушка Мишука — стирала бельё. На визитёра бросилась, звякая цепью, небольшая кудластая собака.

— Пошла-а-а, — властно закричал Устин Иваныч. — Валюшка, а Валюшка! Послушай, что я тебе скажу.

По натуре недалёкая бабушка Мишука стояла, тараща глаза с красными прожилками, а по рукам на зелёную траву сбегала пена от стирального порошка.

— А где дочь твоя? — полюбопытствовал грозный лжемайор.

— На работи.

— Ну хорошо, что не на *****. В общем, так: если будете бить Мишука, я вас посажу, будете у меня в колонии чалиться, поняла?

— А мы его и не бьём николи...

— Ну, смотрите мне. Смотрите и бойтесь.

Вскоре вялотекущая жизнь улицы всколыхнулась. Тёплым пасмурным днём сидел лжемайор во дворе на лавочке и задумчиво покуривал сигареты с фильтром. Вдруг послышались крики и звуки хлёстких оплеух. Устин Иваныч, как пуля из ПМ, вылетел по форме за ворота и увидел, как обрюзгший Санёк посреди дороги «воспитывает» Мишука.

— Эй ты, *****, ты что творишь?! — закричал Устин Иваныч.

— Пасть закрой, не твоё дело! — огрызнулся Санёк, таская Мишука за шиворот. — А то шас и тебе врежу, что обсерешься.

— Что-о-о? Да я тебя...

Свирепый Устин Иваныч драться умел и со всей дури зарядил «воспитателю» сорок третьим растоптанным в пах. Мишук припустил домой.

— Школа эмвэдэ-э-э! — выкрикнул лжемайор и сверху прямым в голову отправил скрючившегося Санька в колючий бурьян, что зовётся татаринном.

— Смотри, если повторится, посажу за педофилию, — пригрозил Устин Иваныч и, с удовлетворением глядя на крепкий поднывающий кулак, направился домой.

Вскоре загорелся Устин Иваныч привести молодайку. Присмотрел подходящую бабёнку. Жила в конце улицы одинокая Мария Васильевна. Встречались несколько раз в магазине. Если, например, Мария Васильевна видела, как соседка-старушка несла на выставленной вперёд палке выбросить через дорогу в ров мёртво повисшего ужа с разможённной головой, то её охватывало горькое

сожаление. Горько становилось женщине, когда, к примеру, тонконогий Яша Кукушкин, прикупивший на инкубаторе цыплят, торопился в рощицу со сверкающим топориком свалить деревцо, на котором ворона свила гнездо. «Ненашецкой породы баба», — говорили о ней. И, очевидно, по этой причине Марии Васильевне подбрасывали то под ворота, то в палисадник, густо населённый розовыми, жёлтыми и красными цветами, котят и щенков.

«Что ж с вами делать? Хоть зверинец открывай», — печально качала головой женщина, глядя на беспомощные крикливые комки шерсти, ползающие среди цветов. — Ну, слава богу, хоть не утопили...»

На концерте ко Дню России в сельском ДК сидели со лжемайором через кресло. Вострыми карими глазками Устин Иваныч поглядывал на тихую кроткую соседку. Другие бабы смеялись, обсуждали местных поющих и танцующих артистов, а Мария Васильевна ляссы не точила, слушала песни — вся внимание. Эта кротость и подкупила пылкого лжемайора.

Надумал свататься. Несколько лет назад «невеста» вышла на пенсию и вернулась из города в деревню, поселилась в избе своей покойной родственницы, перешедшей по наследству. Мария Васильевна всем рассказывала, что оставила квартиру сыну, который работает директором фабрики. На самом деле к директорству сын её имел самое отдалённое отношение — только прозвище у него было Директор. Сидел за кражу.

«Сын директор, сама бабёнка воспитанная, ещё побрезгует, — прикидывал Устин Иваныч, вынашивая план сватовства. Удалившись в грёзы, он на миг призабыл, что назначил себя майором. — Ладно, надо попытаться. Что ж, та курва, значит, хахаля нашла, а чем я хуже? Они у меня пасодобль спляшут...»

Нельзя сказать, что присмотрел Устин Иваныч подходящую женщину только лишь чтобы бывшей насолить. После долгого одиночества захотелось незатейливого счастья, тихого уюта, аромата свежего борща с кос-

точкой. Летним вечером лжемайор по форме пошёл свататься. И, наверное, от волнения в голове засела липкая мысль: «Сватовство майора — это фильм такой или книга?»

Коров гнали с пастбища. Животные мычали, отгоняли хвостами оводье, тёрлись боками и шеями о заборы. Устин Иваныч старательно обходил коровьи лепёшки, боясь замарать чёрные туфли, и размышлял: «Вот так по жизни я петляю...»

Пили чай, мирно беседовали. Но Мария Васильевна очень уж осторожно вела разговор. Тёплая полоса от лучей заходящего солнца медленно двигалась по крашеному полу к двери. Устин Иваныч обратил внимание на порядок в избе: запах вымытых полов, сложенные пирамидкой подушки на застеленных кроватях, иконы. Внутренне одобрил. Прощупывал почву, как сапёр. Сомневался, но, взяв волю в кулак, «открыл шлюзы». Соловьём запел про совместную жизнь, грядущие перспективы рисовал размашисто, как уверенный в своём таланте художник, бросал краски на холст.

Отказала.

— Не в том мы с вами возрасте, чтобы сходить, уважаемый Устин Иваныч. Люди не поймут, — потупившись, повела речь «невеста».

— Да что нам люди! — возвысил голос лжемайор и, сжав костистый кулак, свидетельствовавший о былой силе, продолжил: — Вот они у меня где, люди эти! Все-е здесь! Я отставной майор! Что вы в самом деле! Будете жить за мной как за стеной.

Почему-то он стал называть женщину на «вы». Мария Васильевна вздрогнула. Пожалуй, слово «майор» её испугало. Устин Иваныч убеждал, наседавал, взглядывая на образ Георгия Победоносца в золотистом окладе, словно ища поддержки, но разбился глек...

Когда он, понутив голову, шёл по улице домой, Мария Васильевна, глядела вслед из-за кружевной занавески и утирала катившиеся слёзы синим платком: «Был бы простенький мужичок, ещё бы ничего, может, и жили бы... А то как я с милиционером сой-

дусь? Сын — уголовник, а я за милиционера выскочу, стыд какой! Господи прости...»

Стало прохладнее, на небе обозначился молодой остророгий месяц. Но домой Устин Иваныч не пошёл. Почему-то направился через луг, где с наступлением вечера сильнее запахло травы, к реке, на крутом берегу которой теснились по большей части заброшенные избы. Где накрест окна заколочены, где стёкла давно выбиты. Дворы разгорожены, поросли застарелой злой крапивой. Всё глядит угрюмо и в то же время жалостливо, и, кажется, войди в любую избу — запахнет пылью и прахом... Складывалось впечатление, что в заброшенных избах лежат и, затаившись, чего-то ждут тени, словно призраки чьей-то ушедшей жизни. И несообразны это запустение и молчаливая красота вечной природы. Устин Иваныч взошёл на деревянный мосток, остановился на середине, передумав идти на другую сторону. Глядел на воду. У дубовых опор течение образовывало водовороты, серебристые рыбки с узкими спинами, как по команде, устремились в разные стороны, когда на воду легла длинная тень. В шепчущихся камышах протяжно загудела выпь. Устин Иваныч отметил, что река, по сравнению с тем, какой была во времена его юности, обмелела, поросла камышом и кув-

шинками, белые цветки которых закрылись, проводив солнце. Тишина, чистый воздух располагали к размышлениям о жизни, о том, что, когда здесь ещё не поселились люди, река всё так же несла свои воды и солнце каждый вечер закатывалось за меловые горы, отчего вершины становились нежно-розовыми, словно зефир. Устин Иваныч постоял ещё немного и, закурив, пошёл домой смотреть с матерью телевизор. А завтра будет новый день и вновь взойдёт солнце.

□

Евгений Григорьевич ТОЛМАЧЁВ

родился в 1990 году в посёлке Ракитное Белгородской области.

Окончил факультет журналистики БелГУ.

*Работает корреспондентом департамента
информационной политики Белгородского госуниверситета.*

*Автор книги «Разные судьбы» (2022),
которая вышла при финансовой поддержке Минкультуры РФ.*

Лауреат конкурса «Северная звезда» (2023).

В журнале «Север» публикуется впервые.

